

avdet

Издається с 15 юля 1990 года

www.avdet.org

№34 (873) 31 августа 2015 года

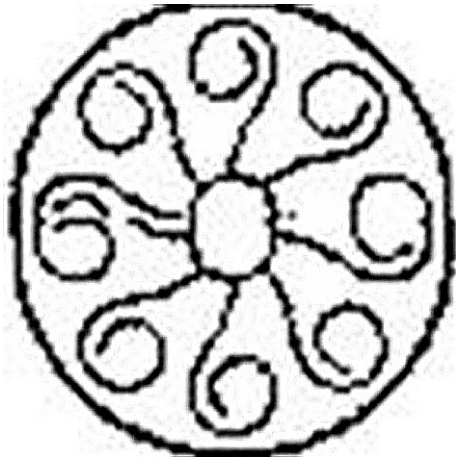
ДЁРТ бизни кьуртараджакъ!

Рукъие, Реян, Ясемин ве Мелек Келеш Севиля Шабанова битасынен
Эски Къырым, 2015

Великое благо

Хасан ХАЛКЕЧ
Международный общественный деятель, Президент фонда «Къарачай»

(Отклик на призыв и статью президента ВАН академика Ерментай Солтанмурат «Ош – боль моя»)

Есть множество благ, которыми мы пользуемся, без которых мы не обходимся, и в то же время мы не только не ценим это благо, более того, нередко не замечаем и не признаем его.

Величайшим из благ, которым наделил нас Всевышний Творец, – это национальная среда, национальный фактор, а для наших народов – это тюркизм, который мы не замечаем точно так же, как когда мы дышим воздухом, но за редким исключением неблагодарны за это, пьем чай, где сахара самого не видно, но он присутствует, придавая желаемый вкус.

Во время Второй мировой войны, сталинский режим депортировал ряд народов из мест прежнего жительства в республики Средней Азии и Казахстана, в том числе и наш карачаево-балкарский народ; в соответствии с установленными условиями, эти народы явно были обречены на вымирание. Но все же, по статистическим данным, от нашего народа сохранилось до 50%. Это благодаря тому благу, что с казахами, кыргызами и узбеками язык оказался единым. Это же явление явилось смягчающим обстоятельством и для крымских татар, турков-месхетинцев. А для иноязычных народов, как чеченцы, ингуши, калмыки, поволжские немцы и другие, выселение оказалось намного более трагическим, у некоторых из этих народов выжило лишь 20-30 % процентов населения.

Наши старожилы и по сей день рассказывают, что общность языка и религии во многом способствовала их сохранению, чтобы человек мог реализовать свои способности как мастера, специалиста, либо суметь обменять драгоценности на зерно.

Прошло около 70 лет. Сейчас в небольшой Карачаево-Черкесской Республике, появились несколько тысяч мигрантов из Средней Азии, в основном из Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. В отличие от той поры 70-летней давности, сейчас русским языком свободно владеют все. Но, даже таджикские эмигранты, используют свое знание узбекского языка, легко преодолевая языковой барьер. А узбеки и кыргызы, не просто свободно понимают наш язык, более того, за короткое время в совершенстве овладели карачаевским языком, говорят настолько без акцента, что пока он сам не назовет свое происхождение, мы принимаем их за карачаевцев, начинают создаваться внутритюркские семьи, которых мы не называем межнациональными, а именно межтюркскими.

С особым вниманием к этому явлению относятся наши старожилы, к чему учат и призывают нашу молодежь: «когда наш народ оказался в Средней Азии, а в тот военный период там и самим коренным народам приходилось туго, деды этих молодых людей способствовали нашему выживанию, в самом буквальном смысле этого слова, делились хлебом – солью. А сейчас их внуки приехали на нашу землю, они ни в чем не нуждаются, более того, они порой выполняют ту работу, которую местные не умеют: открывая национальные кухни, готовят блюда, которых здесь не знают, строители высокой квалификации, или специалисты редких профессий, и т.д. Относитесь к ним с особым уважением: они наши единоплеменные, единоверные, единокровные братья – тилибиз бир, динибиз бир, къаныбыз бир».

Я например, замечая все больше азиатских тубетеек в мечетях республики очень радуюсь, и стараюсь не упускать случая, чтобы не побеседовать на родных языках.

Но, все ли обстоит на поверхности, достаточно ли наши народы знаем друг-друга, и даже самих себя, как тюркские народы?

К глубочайшему сожалению, тут почти не начата целина, наше дремучее

невежество обязывает нас засучив рукава приняться за разъяснительную, пропагандистскую работу.

Чтобы быть более понятным приведу в качестве классического примера описание следующего случая из множества подобных.

В 2008 году, в Баку проводили Всемирные дни тюркских народов. Выходя из поезда, среди встречающих увидел незнакомца с надписью своего имени. Каждому из нас понятны те чувства, которые нас переполняют в подобные моменты: «проехав тысячи и тысячи километров от своего дома, я везде снова оказываюсь в новой части своей общетюркской Родины, на таких величайших просторах живут мои тюркские братья, которые меня встречают. Это есть наше громадное величие, которым Одарил нас Всевышний Творец». В таком состоянии, я подошел и с искренностью обнял азербайджанца, державшего листок с моим именем, отчего тот... с полным недоумением и растерянностью близкой к возмущению, отпрянул назад. По пути в оргкомитет, я заметил его восприятие: если человек едет из России, с ним возможно говорить только на русском языке. Увидев, что я говорю пусть не на совершенном азербайджанском, но полностью понятном, он спросил о причине знания мною языка. Оказалось, что он обыкновенный таксист, которого наняли в оргкомитете для работы с делегатами. Далее, он проявив интерес, стал посещать наши рабочие заседания, и услышав проникновенные, нередко пламенные речи из многих стран мира, на понятном ему языке, впервые в жизни по настоящему узнал про тюркскую общность, про ее настоящую суть и значение. Я начал замечать как его ранее хмурое, задумчивое лицо озаряется услышанным, его ласковый взгляд обращенный ко мне, с чувством вины. В день отъезда, он вызвался проводить именно меня, на вокзале сам вытаскивал мой чемодан, отказываясь отдавать мне пронес до самого места посадки, несколько раз крепко обнял, отчего мы оба прослезились.

Да, в крови каждого из нас, на генном уровне живет настоящий тюрк, но главное, тюрк неразбуженный. Этому азербайджанцу достаточно было всего 4-5 дней, чтобы полностью преобразиться и стать совершенно новым человеком. Моя полная уверенность состоит в том, что более 99% нашего трехсотмиллионного тюркского населения, ждут от нас этого своего пробуждения.

Каждый член Совета лидеров ВАН попросту обязан стать ходячим передвижным пропагандистом, который создаст несколько таких же подобных себе пропагандистов, и те в свою очередь также, вследствие которого, численность обращенных из невежества в человека обретшего самого себя как тюркского человека, вырастет по геометрической прогрессии. Слова Ататюрка: «Эй тюрк! Вздрогни и вернись в себя!» имеют очень глубокий смысл. Совершенствоваться и вырастать, это тоже обязательно, но, в самую первую очередь, нужно стать самим собой, то есть пробудившимся тюрком, ощутившим свое настоящее величие.

Я замечаю человека любой тюркской национальности прибывшего или проживающего на земле Къарачайстана, обязательно с ним беседую, и каждому говорю: «Ты здесь не иностранец, ты на части своей общетюркской Родины. Один тюрк на земле второго тюрка не может быть чужестранцем. Вот мой телефон, вот мой адрес».

Второй примечательный случай, тоже с азербайджанцем. Аслыдар Марданов, уполномоченный по правам человека, от Международной Комиссии по урегулированию неправительственных споров, по Югу России, работающий на территории множества субъектов, который для постоянного места жительства со своей семьей, и обоснования рабочего офиса выбрал Къарачайстан, еще до знакомства со мной. Но, он оказался еще более глубоким подготовленным тюрком, чем я, чему я чрезвычайно рад, у нас тесное общение, мы взаимно дополняем друг друга. У меня есть список рассылки информации получаемой из различных общетюркских источников, с тем, чтобы на месте как можно больше людей были бы вовлечены, и он один из них.

Из мировой истории хорошо известно, что империи создаваемые пропагандой, это добровольное объединение людей разных народов, были и есть сильнее, чем империи создаваемые силой оружия, которые скоро распадаются. А нам всего — навсего нужно собрать обратно, то, что мы сами расчленили – самих себя. Это ощущение единства исключит в предстоящем те трагедии, которые мы сами себе создавали: в мире не было той военной силы, чтобы разрушить Золотую Орду, кроме нашей междоусобицы; как бы потусторонние силы не пытались создавать для нас месхетинскую и ошскую трагедии, они бы не произошли, если бы у нас было достаточное ощущение СВОЕГО ЕДИНСТВА.

Родителей крымских школьников заставляют отказываться от обучения на крымскотатарском языке

Родителей крымских школьников вынуждают на заготовленных заранее бланках подписывать заявления об отказе обучения их детей на крымскотатарском языке и о переводе их в класс с русским языком обучения.

Об этом сказано в обращении ассоциации крымскотатарских работников образования «Маариф» на имя главы республики Сергея Аксенова.

По информации, полученной от родителей, одна из таких ситуаций сложилась в Войковской школе Ленинского района, в которой функционируют два класса с крымскотатарским языком обучения. В третьем классе обучаются восемь учеников, в седьмом – четырнадцать.

Директор школы Т. Еремеева заявила родителям этих учеников, что закрывает классы, якобы из-за отсутствия учебников и вынудила написать отказ (на заранее заготовлен-

ных бланках) от обучения на крымскотатарском языке.

«Не добившись согласия родителей, она методом кнута и пряника заставила родителей части учеников написать отказные заявления от учёбы их детей в классе с крымскотатарским языком обучения», – сообщили в «Маариф-информ».

Чиновников поймали на нарушении закона

Администрация Карасубазарского (Белогорского) района, нарушив законодательство, установила собственный минимум наполняемости классов с крымскотатарским языком обучения.

Об этом сказано в обращении ассоциации крымскотатарских работников образования на имя главы Республики Крым Сергея Аксенова.

Так, белогорские чиновники вынесли постановление, которое предусматривает открытие классов с обучением на крымскотатарском языке при наличии не менее десяти учащихся в сельском местности (вместо пяти, установленных законом) и не менее двенадцати – в городе (вместо восьми, соответственно).

Кроме этого, количество учащихся при открытии профильных классов и классов с углубленным изучением отдельных предметов, по мнению чиновников, должно составлять не менее 12 обучающихся при открытии классов в сельской местности; не менее 15 обучающихся – в городе.

Ассоциация «Маариф» призвала министра образования Крыма Наталью Гончарову «не допустить нарушения конституционных прав граждан на обучение на родном языке и самовольного искажения Белогорской Администрацией федеральных законов России об образовании, в которых нет квоты на количество учащихся, желающих учиться на родном языке».

Крымскотатарские этнические мотивы в современном декоративном искусстве Крыма

На протяжении всей обозримой истории Крымского полуострова происходила активная миграция племен и народов, сменявших друг друга. Многообразие используемых художественно-технических средств, орнаментальных комплексов, вариативность художественного языка обуславливали наложение образного содержания, сложность стилистической характеристики произведений крымскотатарского декоративно-прикладного искусства. Об этом свидетельствуют такие виды искусства и техники обработки материалов, как золотое шитье, узорное ткачество, филигрань, резьба и роспись по камню и дереву.

Со времени принятия ислама в течение длительного исторического периода художественная культура крымских татар развивалась в формах орнаментального творчества и традиционных видов художественных ремесел. Стилистая направленность произведений не выходила из руслу эстетических канонов исламской культуры. Этнические традиции отражали их влияние, формируя национальный облик крымскотатарской культуры.

Процесс возрождения народных традиций – одна из важнейших составных частей современной жизни. На основе духовного наследия старины живет и развивается современное искусство. Сегодня возрождение национального культурного наследия обретают особую важность, связанную с проблемой самоидентификации народа в современном мире.

После сорокалетнего изгнания крымскотатарское искусство началось с чистого листа. Молодым художникам представилась возможность раскрыть свое мастерство, никому неизвестное, не скованное традициями и в то же время самобытное. Однако при всем этом понадобилось время для знакомства с прошлым наследием, восстановления этнической памяти и традиций предков. Выставки современного крымскотатарского декоративного искусства, первая из которых открылась в 2005 году, с каждым годом становятся содержательнее и шире. Приобретают известность имена многих художников. Только теперь можно проследить и начать говорить о складывающихся новых традициях и направлениях в современном крымскотатарском декоративном искусстве.

Сегодня в среде молодых мастеров наблюдается тенденция возрождения и использования народной символики. На протяжении последних десяти лет на основе древних традиций крымскотатарской культуры идет активный поиск своеобразного современного крымского стиля, выражающийся через интерпретацию и стилизацию этнических мотивов. Появление большого количества интересных колористических работ связано с выходом публикаций научных исследований, практически забытого крымскотатарского искусства. Усилия специалистов по возрождению

понимания и восприятия крымскотатарских символов, а также воплощение в жизнь проекта «Крымский стиль» творческого объединения «Чатыр-Даг», открыли молодым художникам-прикладникам большие горизонты творчества. Сегодня фольклор становится модным, он своеобразно и органично сочетается с интерьером, а выполненные ручным способом элементы одежды неординарны и привлекательны. Поэтому и работы современных мастеров опираются на древнее искусство, его традиционную символику.

Мамут Чурлу

До начала XX века жизнь крымчан окружали вещи, сделанные вручную: бедные довольствовались простыми изделиями, богатые заказывали их у лучших мастеров. Уже в середине 1920-х годов дешевое фабричное производство окончательно вытеснило из быта кустарную продукцию, оставив ей место среди сувенирных поделок. Голод 1921–22 годов в Крыму нанес сокрушительный удар по традиционным народным промыслам. После Октябрьской революции быт крымских татар и их потребности стали резко меняться. Сократилась внутренняя потребность в изделиях роскоши, что явилось одной из причин кризиса художественного народного творчества. Упрощение быта привело к тому, что вещи ручной работы, просто не находили покупателей. А после депортации, казалось, не осталось уже и наследников тех мастеров. Выселение из Крыма, многолетняя дискриминация лишили крымских татар своей родины, а придание уничтожению и забвению со стороны советского государства культурных достижений – привели к трагическим и необратимым для национальной культуры утратам.

Мамут Чурлу

Эсма Абдуллаева, Халиде Кипчак

Излюбленными и наиболее популярными мотивами стали «древо жизни», «вазон», символизирующие семейный род и его продолжение. У крымских татар древо связано с жизнью всего рода и его благополучия и означало пожелание мужчине физической, мужской силы, стабильности, достатка, мощи, плодородия, продолжения рода. Наличие в изображении родового древа симметрии, устойчивости, в центре мужского,

время депортации.

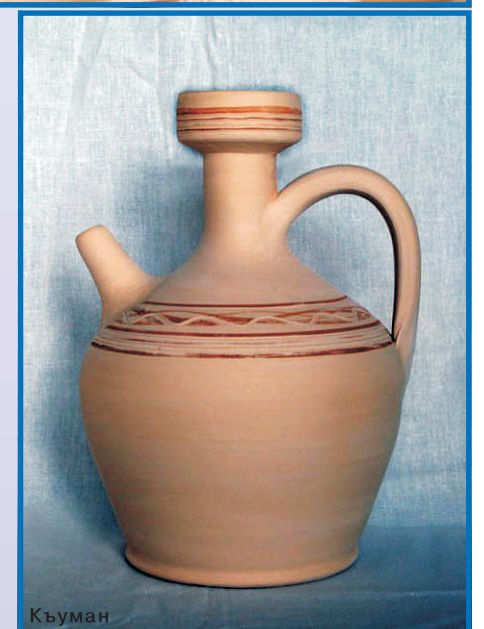
Для декоративных панно Юлии Туповой характерны иносказательная символика, использование народной орнаментики, плоскостность изображения, декоративность и яркость колористического решения, ассимиляция крымскотатарского орнамента с опытом наивных художников Украины и техникой узбекского искусства сюзана. «Древо» («вазон») в ее работах трансформирует-

по краям женских и детских знаков определяло его как родовой герб – амулет, знак мира, единства, счастья и процветания семьи.

В качестве амулета современные художники Крыма часто используют мотив древа жизни в дизайне интерьерного текстиля: настенных панно, ковриках, картинах, выполненных в смешанной технике и др. Разнообразные композиции и вариации на тему «древа жизни» и «вазона» с успехом применяют в росписи тканей, мозаике, декоре керамики.

Традиционной трехчастной структуры древа с девятью основными элементами придерживается в своих работах Мамут Чурлу. В его панно, выполненных в смешанной технике аппликации и вышивки, ярко выражен авторский подход к стилизации мотивов и усилению звучания цветовых контрастов. Аналогичный подход в решении цвета наблюдается и в декоративной керамике Рустема Скибина. Яркость и звучность красок, блеск полихромии, вероятно, говорят о влиянии на творчество мастеров узбекской культуры, которая длительное время воспринималась ими во

Къуман

ся в цветущий куст, в основе которого лежит изображение кипариса, тюльпана, плода граната.

Мотив древа широко используется в вышивке современной сувенирной и подарочной продукции, которую выпол-

няют мастерицы объединения «Эвджи-яр» из Бахчисарая. Сумки, кошельки, косметички, чехлы для телефонов, подарочные головные уборы (фески), чехлы для Корана, небольшие картины в раме и др. расшиваются в технике высококого шитья золотыми или серебряными нитями, с использованием бисера, жемчуга, блесток.

Как видим, факт длительного проживания крымскотатарского этноса на территории Узбекистана способствовал внесению в его искусство элементов узбекской культуры, нашедших отражение в использовании в вышивке некоторых швов и приемов узбекского сюзане, изменении колорита декоративных изде-

В исламском искусстве часто встречается изображение природы, главным образом – садов. Огромные царские парки Ирана эпохи Сасанидов получили название *firdaws* – рай, представлявший в виде роскошного сада. Для мусульман рай – это завершение пути. Орнамент «эгри-дал» – изогнутая ветка, заполненная множеством различных цветов и плодов, символизирует в крымскотатарском искусстве райский сад, бесконечное цветение, вечную гармонию и совершенство, к которому стремятся и которое заслуживают души людей, проживших праведную жизнь. В материальном мире сочетание разных растений на одной ветке невозможно. Этим способом обозначен мир, в котором действуют иные законы: нет протяженности времени от прошлого к будущему – прошлое, будущее и настоящее – в нем сопряжено в одно целое.

Мотивы цветов, плодов, райских садов, с учетом их символического контекста сегодня нашли отображение в дизайне современного этнокостюма. В этой области работают молодые художники-дизайнеры – выпускники Крымского инженерно-педагогического университета, которые, используя исторический и культурный опыт народных традиций, возрождают самобытность и неповторимую красоту

Халиде Кипчак, Эсма Абдуллаева

остров, как уголок такого рая. И. Патракова изобразила на декоративном украшении, выполненном в технике двусторонней крымскотатарской вышивки. Сказочный остров, расположенный в чаше, омывается двумя морями. Здесь расцвели сады, высятся минареты, распускаются тюльпаны. Над островом сияет солнце и царит МИР и БЛАГОДАТЬ. Крым – это райский сад – для многих крымских татар завершение долгого пути возвращения на Родину.

Аналогичную трактовку Крымского полуострова, райского сада, можно наблюдать и в работах, выполненных в технике керамики, аппликации, вышивки, гобелена. Так понимают символ рая молодые художники, для которых религия сегодня не имеет первостепенного значения. Кроме того, в работах появляются образы, новая трактовка мотивов, объясняющиеся влиянием узбекской и украинской (славянской) культур. Так, в работах М. Чурлу присутствуют изображения дюрбе с голубыми куполами, коней, словно сошедших с восточных миниатюр. В графической рабо-

лиграфической продукции. Однако каллиграфия на изделиях чаще «рисованная», а не написанная, и, как правило, выполняет функцию декоративную, а не смысловую. Студентами художественного факультета Крымского инженерно-педагогического университета был выполнен ряд декоративных панно, композиционно объединивших авторскую стилизацию мотива дерева, и каллиграфическую надпись молитвы, органично вписанную в мотив дерева. Такие работы хорошо вписываются в современный этнический интерьер, подчеркивают национальный колорит, выполняя функцию амулета, оберега и украшения интерьера жилища одновременно.

В работах молодых художников использование этнических символов, с учетом современных взглядов на жизнь и взаимовлияний культур, происходит со значительной интерпретацией их значения, смыслового контекста и размещения на изделиях. Влияние на культуру крымских татар, за время депортации культуры узбекской и в последние двадцать лет украинской культуры, привело к использованию в декоративном искусственных, в отличие от традиционных, техник в вышивке, керамике, тканых и текстильных панно. Образное решение мотивов приобретает оттенок среднеазиатского искусства, возникает новая трактовка мотивов, объясняющаяся влиянием украинской (славянской) культуры.

Сегодня предметы декоративного искусства, неся в себе отблески былого, отображают современное видение художниками культурного наследия коренного народа Крыма – крымских татар. Многие виды декоративного искусства обрели новую жизнь с возвращением крымских татар на Родину. Благодаря подвижническому труду ярких самобытных художников по прошествии десятилетий мир убедился – никакие депортации не в состоянии уничтожить сокровенные созидающие знания, деяния искусных рук, взлелеянные веками на крымской земле. Создаваемые сегодня руками крымских мастеров цветные килимы, разноцветные и золотые вышивки, расписная керамика, ювелирные украшения источают тепло крымского солнца, блистание гор, красоту природы, неповторимый колорит, самобытность крымского полуострова.

Культура Крыма является достоянием не только крымчан, но и всего мира. Поэтому сохранение и продолжение этого бесценного наследия – один из путей, ведущих к согласию, взаимопониманию между народами, взаимообогащению культур, решению многих вопросов, остро стоящих на сегодняшний день.

Нурия АКЧУРИНА-МУФТИЕВА

Рустем Скибин

лий в сторону более ярких и контрастных цветов, применении в орнаментальных композициях укрупненных элементов, выполнении крупномасштабных вышитых и комбинированных панно для жилого интерьера.

Орнамент на тканях и одежде крымских татар имеет свою символику, знаковую систему, связанную с религией, обычаями, культурными традициями. В мусульманском искусстве для изображения человека было принято использовать аллегория цветов, среди которых особенно ценилась роза как символ человека в расцвете своих жизненных и духовных сил. Другой не менее распространенный мотив – тюльпан, символизирует «объяснение в любви». Сегодня эти орнаментальные мотивы применяются мастерами в вышивке интерьерного текстиля, деталей одежды, сувенирной продукции, ювелирных украшениях.

Современные мастерицы, изучив и восстановив традиционные крымскотатарские швы, комбинируя их с жемчугом, блестками, и особенно бисером, добавляя новые приемы, получают бесконечное множество вариаций орнамента. Особое направление получила вышивка золотом на бархатной (красной, зеленой, фиолетовой) насыщенной цветом ткани. Увлечение контрастом яркого блестящего золота и темного бархата скорее подтверждает отпечаток узбекской культуры, нежели крымскотатарские традиции, в которых такое явление имело место только в праздничной одежде богатых слоев населения.

«Молодая семья», Рустем Скибин

национальных костюмов, создают высокохудожественные выставочные образцы и современные модели в этническом стиле.

Цветочные мотивы широко используют художники в орнаментации керамики и текстиля интерьерного назначения. Это скатерти и салфетки, рушники, покрывала, диванные подушки, вышитые настенные ковры и др., выполненные мастерами Бахчисарая, Карасубазара, Акмесджита.

Интересным сюжетом крымскотатарской вышивки являются изображения парусных кораблей с райским садом. Часть кораблей изображается в виде лодки, на которой расцвел райский сад и видны купола восточных дворцов. Формы кораблей разнообразны: в виде коромысла, перевернутой буквы П и треугольного шатра. Но во всех случаях здесь цветут цветы, возвышаются кипарисы, растут райские яблоки, в виде трилистника сидит вещая птица Рух.

Эта тема нашла отражение в декоративных работах современных художников. Рай представляется современникам в виде города, расположенного под огромным плодоносящим деревом и напоминающим Крым давних и настоящих времен. Город с разноцветными минаретами, райскими деревьями, цветами и птицами усыпан многочисленными звездами и полумесяцами – исламскими символами вечности, высоких стремлений, идеалов. Крымский полу-

«Защита», Рустем Скибин

те молодого художника Эльдара Гусенова рай изображен в виде корабля с михрабом, над которым парят два «ангела» (добрый и злой) в виде стилизованных птиц, встречающихся на старинных крымскотатарских вышивках.

К дозолотоордынскому периоду относится появление в Крыму «эпиграфических памятников» – различного рода каллиграфических надписей, монограмм, изображений, использующих графические и пластические возможности букв арабского алфавита. Молитвы, выгравированные, вышитые, вырезанные, написанные на предметах обихода, выполняли функцию оберега, в магию которых верили предки. Сегодня арабская каллиграфия находит отражение в современной практике декоративного искусства, а также дизайне по-

«Новобрачные», Эльдар Гусенов

Легенды Бахчисарайского фонтана

Часть V: Прогулка с Пушкиным

[Олекса ГАЙВОРОНСКИЙ]

«Хан Гирей».

Иллюстрация В. Суреньянца, 1897

славил Бахчисарай на весь мир. Она считается одним из лучших произведений русской поэзии. Благодаря ей бывшая ханская столица превратилась в глазах всего мира из опустошенной колониальной резервации в райский сад поэтических грез (ведь до Пушкина никто и не думал воспринимать Бахчисарай в романтическом ключе; до того город ассоциировался у чужеземцев вовсе не с розами и фонтанами, а с «гнездом разбоя», порочным русским оружием). Поэма действительно написана мастерски, и уже несколько поколений литературоведов не устают находить в ней всё новые достоинства.

Однако сам Пушкин отзывался о своем произведении совсем иначе (даром, что оно укрепило

его славу и буквально озолотило автора: гонорар за издание поэмы составил 3000 рублей золотом, что было по тем временам баснословной суммой). «Бахчисарайский фонтан», между нами, дрянн...» – с пренебрежением писал поэт о собственном произведении своему другу Вяземскому. А в другом письме Пушкин назвал свою поэму «бессвязными отрывками»...

Как это понимать?

Более того: с не меньшим разочарованием Пушкин отзывался и о своем реальном знакомстве с Ханским дворцом. «В Бахчисарай приехал я больной, – писал поэт, – Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes [«фонтан слез» – О. Г.]. Вошед во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище. «Но не тем в то время сердце полно было»: лихорадка меня мучила. Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М., я об нем не вспомнил [в одном из черновиков письма написано иначе: «я об нем не знал» – О. Г.], когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался».

Литературоведы давно разгадали зашифрованные в письме имена. «К**» – это графиня Софья Станиславовна Киселева (в девичестве Потоцкая), «NN» – бахчисарайский полицмейстер и главный смотритель Ханского дворца Иван Давидович Ананьич, а «М.» – писатель и дипломат Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, побывавший в Бахчисарае чуть позже Пушкина. Все эти имена важны для исследования легенды, и к ним мы еще вернемся. А сейчас попробуем выяснить: почему Пушкин отзывался о своем талантливым произведении так, словно стыдился его?

В Крым Пушкин попал не вполне добровольно. Своими политическими

стихотворениями против царского деспотизма и эпиграммами на царя и его министров Пушкин навлек на себя гнев двора и серьезный риск ссылки на Соловки или в Сибирь. Но в итоге с по-этом-вольнудумцем поступили иначе: Пушкина обязали заняться «полезной деятельностью» и выслали из Петербурга служить чиновником в Екатеринослав (ныне Днепродзержинск). Запереть поэта в душевой конторе не удалось: искупавшись в Днепре, Пушкин заболел лихорадкой (вероятно, малярией) и лежал в бреду без ухода, пока проезжавший через город с семейством на отдых генерал Раевский не забрал несчастного с собой. Так Пушкин избавился от унылой конторской службы и попал на Кавказ и в Крым. В дороге он взялся читать поэмы великого английского поэта Джорджа Байрона. Такое дорожное чтение идеально подходило к путешествию по южным краям: стихи Байрона были полны восточной экзотики – пираты, гаремы, невольницы, сабли, кинжалы, коварство, страсть, любовь и смерть. Невиданный доселе в мировой поэзии стиль Байрона потряс Пушкина. Под сильным впечатлением от «восточных поэм» английского коллеги родились пушкинские «южные поэмы»: «Кавказский пленник», «Цыганы» и, конечно же, «Бахчисарайский фонтан».

Но их создание еще впереди. А пока Пушкин, все еще терзаемый болезнью, странствует с семьей генерала по Крыму и 7 сентября 1820 г. прибывает в Бахчисарай. Худшего времени для посещения Ханского дворца нельзя было и придумать: Хансарай, по сути, лежал в руинах. Как раз в эти дни во дворце начиналась злополучная «реставрация» 1820-х годов, когда вместо дорогостоящего ремонта целый ряд старинных зданий ханской резиденции были попросту снесены, а многие из оставшихся небрежно переделаны до неузнаваемости.

Неудивительно, что дворец разочаровал Пушкина (хотя он и сумел оценить его былую красоту, которую затем мастерски описал в поэме). В тот момент у него был совсем другой источник вдохновения: прекрасная барышня, в которую он без памяти влюбился задолго до поездки в Крым. Юная Софья Потоцкая (в замужестве Киселева; та

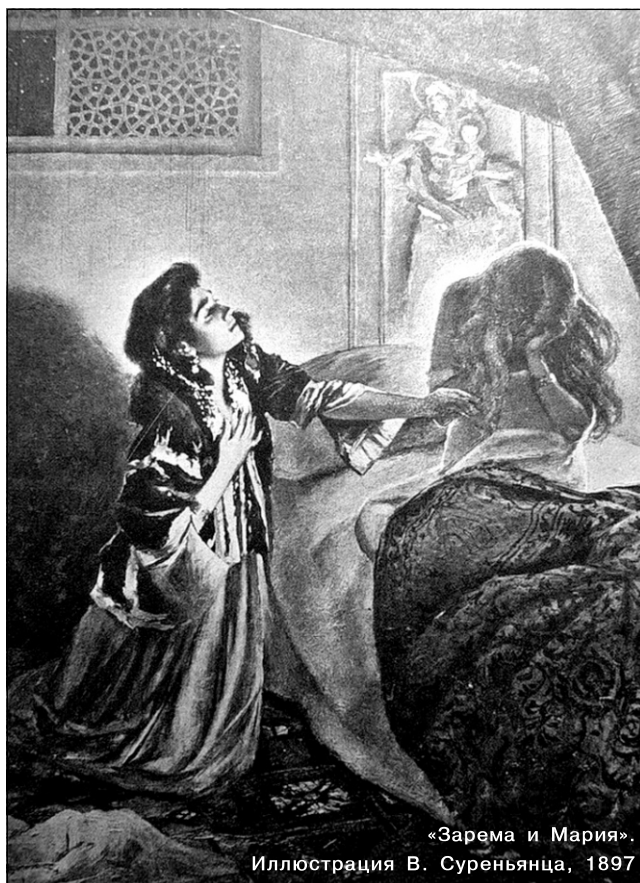
самая «К**» из письма), приехавшая на зиму в Питер из крымского имения своей матушки, увлеченно щебетала о своей дальней родственнице, Марии Потоцкой, якобы плененной татарами и умершей в ханском гареме. Там, в Петербурге, Софья и поведала Пушкину о «фонтане слез» в Бахчисарайском дворце. Страсть Пушкина была тайной и безответной: Софья была готова развлекать Александра крымскими сказаниями, но не более того. Тем сильнее влюбленного поэта привлекало всё, что напоминало о непреклонной красоте. Каким бы жалким ни оказался бахчисарайский фонтан на самом деле, он с мучительной сладостью напоминал об оставшейся в столице Потоцкой. И поэт взялся за перо.

Не полагаясь на собственные мимолетные впечатления от беглого осмотра дворца, Пушкин занялся изучением жизни ханского Крыма (а надо сказать, что Пушкин, берясь за исторические произведения, всегда старался сперва познакомиться с первоисточниками). Это оказалось не так-то просто: писать «Бахчисарайский фонтан» Пушкину пришлось в Кишиневе и Одессе («мягкая» южная ссылка из Петербурга все еще продолжалась), потому историческую литературу ему приходилось заказывать из столицы. Друзья прислали Пушкину труд, где кратко рассказывалось о правлении Кырыма Герая. Никаких упоминаний ни про фонтан, ни про Потоцкую он в этой книге не нашел, но искать эти сведения ему было больше негде (ехать в Крым самому без надзора ему бы никто не позволил), и поэт понадеялся на достоверность рассказа Софьи, выстроив на нем весь сюжет поэмы.

Осенью 1823 г. поэма была готова – и получилась ничуть не хуже, чем у Байрона! Пушкин отправил ее в Питер Вяземскому для публикации, а заодно, не теряя интереса к миру Крымского ханства, решил продолжить знакомство с историческими реалиями, что легли в основу только что законченной им поэмы. Пушкин заказал у Вяземского свежую книгу Муравьева-Апостола (в которой, как он знал, будет подробное описание Ханского дворца), написал в Бахчисарай письмо полицмейстеру Ананьичу, чтобы тот разыскал для него в ханской столице какие-нибудь сведения о пребывании Марии Потоцкой, и попросил друзей разузнать в Петербурге какие-нибудь детали у самих представителей рода Потоцких.

Результат разысканий был ужасен.

Муравьев-Апостол, как выяснилось с первых же страниц, не только опровергал миф о Потоцкой, не только ни словом не упоминал фонтан, но и подробно описал главный и основной памятник бахчисарайской легенды: дюрбе Диляры-бикеч, о существовании которого Пушкин не знал вовсе! Похоже, что Софья ничего не рассказывала Пушкину о мавзолее, а от «экскурсии» с полицмейстером на дальнюю окраину дворца Пушкин наверняка отказался сам (раз уж Ананьичу пришлось почти насильно тащить гостя даже в гарем). Тем временем подоспело и письмо от самого Ананьича (я уже цитировал его в прошлом очерке): полицмейстер докладывал, что слышал сказания о Потоцкой лишь от своих охранников да от приехавшей в Бахчисарай графини Потоцкой (матушки прекрасной Софьи), тогда как местные крымские татары не только не знают никакой Марии, но и вообще не склонны любопытствовать насчет ханских жен. А почтенный сена-

«Зарема и Мария».

Иллюстрация В. Суреньянца, 1897

тор Потоцкий, что считался главным в России знатоком истории своего рода, либо не ответил Пушкину (с которым был в непростых отношениях), либо тоже опроверг легенду.

Впору было схватиться за голову. Получалось, что напряженный творческий труд трех лет (а в процессе работы Пушкин неоднократно переписывал, усложнял поэму, оттачивал рифмы, менял сюжет и название) был посвящен полной выдумке, пустой дамской фантазии, лишенной всякой исторической основы! Ошибка была тем досаднее, что к тому времени Пушкин уже остыл к Софье (он писал своему брату о новой поэме: «Я не желал бы ее напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен»). Еще больший неловкость перед публикой вызывало у автора собственное упущение с мавзолеем, тогда как именно о мавзолее (и только о нем, а не о фонтане) как о памятнике ханской супруге писали все гости Бахчисарая и до, и после Пушкина – все, кроме него! Тогда-то в письме Вяземскому и прозвучал презрительный отзыв поэта о собственном произведении, приведенный в начале этого очерка...

Вяземский постарался успокоить товарища. Он выпустил поэму с собственным предисловием, в котором мягко намекал, что поэзия не обязательно должна быть строго историчной и в ней вполне допустим художественный вымысел. Это убедило и подбодрило Пушкина: «Не знаю, как тебя благодарить!» – писал он другу.

Поэма принесла автору шумную славу. Пушкин, конечно, радовался успеху, но, говоря о поэме, как будто пытался оправдать себя: «Радуюсь, что мой Фонтан шумит. Недостаток плана не моя вина. Я суеверно переключивал в стихи рассказ молодой женщины».

Наконец, чтобы поставить точку в этом деле, Пушкин уже после выхода поэмы в 1824 г. написал замечательное стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца» – причем намеренно поставил под ним дату «1820 г.», чтобы читателю казалось, будто поэт с самого начала считал историю про Марию и Зарему всего лишь «сном воображенья» (а вовсе не историческим фактом):

*Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.
Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне бль...
Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальний;
Но о Марии ты молчал...
Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?
Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?*

Стремление Пушкина хотя бы в общих чертах следовать исторической правде и его искреннее смущение своим промахом с басней про Потоцкую – это очень похвальные черты, которые лишь украшают образ великого поэта. Но кто же так жестоко подвел Пушкина? Откуда взяла свою сказку Софья?

Здесь в мой рассказ пора вступить уже не сказочным, а вполне реальным гаремным обитательницам, пашам, невольницам, временщикам, авантюристам и куртизанкам, чья невероятная судьба мало чем уступит самым смелым фантазиям и Байрона, и Пушкина. О роли этих людей в создании бахчисарайской легенды я расскажу в следующем очерке.

Что селфи в действительности говорят нам о нас самих

После нескольких трагических случаев, связанных с фотографированием себя, в России начали общественную кампанию об опасности селфи. Казалось бы, что плохого в том, что человек сам себя фотографирует? Но проблема глубже, чем кажется.

Многие из исследователей селфи считают, что люди, которые делают много автопортретов, склонны к нарциссизму. Это не говорит о том, что каждый, кто делает селфи, – психопат, но это подразумевает высокую потребность в самоудовлетворении, особенно, если фотографии размещены в интернете для социального одобрения. Можно также предположить, что некоторым селфи позволяет бороться с какими-то своими комплексами, получив одобрительные комментарии в сети.

«Люди забывают, что самолюбование также руководствуется лежащей в его основе неуверенностью, – считает Джесс Фокс, ассистент профессора в Школе коммуникаций при университете штата Охайо, где изучают личности любителей селфи. – Они нуждаются в

лей социальных сетей, что они думают о селфи и стоит ли переживать по поводу возможных психических расстройств селфиманов. И мнения разделились: они согласны с тем, что у любителей селфи налицо нарциссизм, другие уверены – это просто веяние моды, и оно скоро пройдет.

«Опасность селфи... Если честно, не слышал о таком. Но опасности ждут нас на каждом шагу. Однако если брать за основу опасности травматизм, то доля здравого смысла в этом есть. Мало того что «палкой» размахивают, еще и часто не оценивают ситуацию вокруг... Последствия – травмы, увечья вполне возможны. – предполагает молодой врач Амет Кишпидинов. – Селфи – это скорее всего просто веяние моды и не более. Все приходит и все уходит, и «селфи» не исключение», – уверен он.

«Я думаю, это все индивидуально, у кого-то действительно проявление нарциссизма, но тогда это проявляется не только в постоянном фотографировании себя, а и в других ситуациях, а кто-то просто пытается привлечь внимание к себе, или банально идет на поводу моды...», – написал нам пользователь Вконтакте Сейдали Абибуллаев.

«Я согласен с тем, что это один из признаков нарциссизма, но все же селфи было придумано не для того, чтобы фотографировать исключительно свою личность, а для того чтобы делать совместные фото,

пример, потеря равновесия. В итоге это приводит к тяжелым травмам, вплоть до летальных. Но это все при условии, если человек перестает думать головой и идет на поводу амбиций. В обыденных же случаях селфи, достаточно хороший способ запечатлеть себя на фоне какого-нибудь интересного бэкграунда или, на худой конец, сфоткаться с Решатом Алиевым. Телефон всегда в кармане и это самый быстрый способ сохранить определенный момент в памяти. Постоянное фотографирование себя заключается в нескольких моментах. Возможно, это и самолюбование. Но давайте не будем забывать о том, что в момент совершения селфи, человек видит себя на экране телефона и ему достаточно легче позировать наедине с собой и телефоном и сделать фотографию именно такой, какой хочется на самом деле.

Да, я согласен, что чрезмерное увлечение селфи выглядит как самолюбование. Но есть множество способов, как исправить это. Например, делать селфи в каждом новом городе или стране, то есть менять бэкграунд. Единственное, что меня пугает, так это такая инновация как селфи-палка. Мне кажется странным, когда люди фотографируют себя с помощью инструмента, похожего на швабру. Со стороны это даже немного смешно. К сожалению, люди все больше и больше перестают общаться на улице. Если раньше можно было попросить прохожего сфотографировать себя на свой же фотоаппарат, то сейчас для этого изобрели механический инструмент, имя которому селфи-палка...

том, чтобы получать лайки и за счет этого – утверждаться».

Однако существует мнение, что селфи могут быть просто другой формой коммуникации – текст в только 160 символов, но с картинкой, говорящей больше, чем тысячи слов. И многие в сфере технологий уверены, что селфи – это источник возможностей, потому что они предоставляют физическим лицам высокую степень контроля над тем, как они представляют себя в мире.

Селфи может удовлетворить такие потребности человека, как желание быть узнаваемым или даже обожаемым. Возможно, поэтому так много людей становятся своими собственными голливудскими режиссерами, прикрепляя камеры на палки, чтобы придать большей значимости своей жизни.

Однако не только опасности развития психических отклонений ведет за собой селфи. В последнее время произошло несколько жутких несчастных случаев, когда люди пытались сфотографировать себя в необычном месте или в необычной позе. Некоторые отчаянные любители автопортретов не подозревают, что селфи может стать для них последним увлечением, а сделанное фото – предсмертным.

Вот, к примеру, один из шокирующих случаев. 17-летняя Ксения Игнатьева взобралась на железнодорожный мост и хотела сделать селфи на фоне уходящего вдаль рельс, но потеряла равновесия и сорвалась. При падении девушка ухватилась за электрический кабель и получила смертельный удар током.

Крымские татары тоже стараются не отставать от моды на селфи. Многие уже обзавелись селфи-палками и атакуют Instagram своими автопортретами.

Мы поинтересовались у пользовате-

скайп и другие различные средства связи. К сожалению, с постепенной деградацией нашей молодежи, селфи стало одним из неотъемлемых действий в течение жизни», – пофилософствовал Айдер Гемеджи.

Нашлись и сторонники противоположного мнения. Но радует, что большинство опрошенных Avdet считают, что во всем важна мера.

«А что плохого в том, что ты себя любишь. Любить себя – это нормально, главное – не перегибать палку», – убеждена Зера Смаилова.

«Если не ошибаюсь, то даже ученые доказали, что постоянное фотографирование себя в большом количестве – это не только признак нарциссизма, но и отклонение в психике. Я за разумность и меру во всем», – считает Лемара Сейдаметова.

Avdet также узнал мнения профессиональных фотографов.

Решат Алиев.

Опасность селфи состоит в том, что в последнее время все больше и больше людей хотят удивить друг друга своей нестандартностью, впоследствии готовы на очень рискованные поступки в плане поиска ракурса (поднимаются на различные строения, высотки, мосты), что может привести к серьезной ошибке, на-

Смаил Небиев.

На оба вопроса нельзя дать однозначный ответ (Как Вы относитесь к тому, что современное общество бьет тревоги об опасности селфи? Верите ли Вы, что постоянное фотографирование себя – это признак нарциссизма? – прим. ред).

В любом деле нужно придерживаться золотой середины, слу-

чай с селфи не является исключением. Если человек фотографирует себя на фоне Биг Бена, это нормальное явление, но, извините меня, если во время семейного ужина человек за столом весь вечер фотографируется, то это уже психическое расстройство...

Ильдар Ибрагимов.

Современное общество привыкло брать то, что делает большинство, раз большинство делает селфи, чем я хуже...? Лично мое мнение, все должно быть в меру. Селфи само по себе безобидно, но злоупотребление приводит к опасности. Я не селфист, это я могу сказать точно, мне эта опасность не грозит... Да, я верю, что постоянное фотографирование себя – это признак нарциссизма более того, это подтверждают психологи, чрезмерное любование собой приводит к завышенной самооценке и самовлюбленности...

В Крыму открылась выставка в честь 60-летия художника Энвера Изетова

В выставочном зале Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия открылась персональная выставка «Путь к истокам» художника Энвера Изетова, приуроченная к его 60-летию.

На выставке, организованной Министерством культуры Крыма и крымскотатарским музеем, представлены более 40 произведений автора в жанрах станковой графики, книжной иллюстрации и сценографии.

У автора своеобразный узнаваемый стиль, временной диапазон создания пред-

ставленных работ охватывает начало 1980-х годов до настоящего времени. Работы привлекают некоторый отход от конкретизации образа, что делает его более емким и выразительным. Картины художника передают его философское видение смысла бытия, каждая из них – предложенная им загадка зрителю.

Как отметил заместитель министра культуры Крыма Исмет Заатов, Энвер Изетов – «это большое имя в истории крымскотатарского изобразительного искусства».

Самобытное творчество художника давно оценено по достоинству – с 1990 г. он член Союза художников СССР, с 1991 г. – член Союза художников Узбекистана, с 1995–2014 – член Национального Союза художников Украины, с 2014 г. – член Союза художников России. С 1980 г. он – участник республиканских, всесоюзных, международных и зарубежных выставок. Энвер Изетов является художником-постановщиком трех мультипликационных фильмов производства киностудии «Узбекфильм», как книжный график создал иллюстрации и оформил около сорока книг.

С 1992–2001 г. – Председатель Ассоциации крымскотатарских художников. Энвер Изетов активно сотрудничает с рядом издательств и газет. С 2009 г. он – Заслуженный деятель искусств АР Крым. Его произведения хранятся в музейных собраниях и частных коллекциях Узбекистана, России, Украины, Турции, Германии, США, Швейцарии.

Выставка работ Энвера Изетова продлится до конца сентября месяца.

Дом без хозяина

Все дома имеют свою историю. Истории эти разные. Есть короткие, с мелькающими лицами и непостоянством духа. Есть длинные, запутанные, со страницами горя, главами утрат, абзацами предательства, многоточиями семейных тайн.

Этот дом стоит в центре маленького приморского городка. Старый, но еще крепкий, с толстыми каменными стенами и большими окнами, за которыми с исторически сложной периодичностью происходила смена эпох. Когда-то здесь жила большая семья. Главу дома, строгого и неразговорчивого старика можно было встретить на Набережной. Помахивая тростью с янтарным набал-

дашником, он неторопливо вышагивал по Кипарисовой аллее до Старого замка. Еще его можно было встретить в маленькой кофейне у старого Али, где он вел степенные беседы. Все знали, что он направлял крупные суммы на содержание местной школы и поддерживал семьи, потерявших кормильцев.

Говорят, дружбы с ним искал даже губернатор.

Ветры перемен не обошли приморский город, и однажды на морском горизонте появился пароход, который после двухдневной стоянки у мятежных берегов увез с собой всю семью в другую страну. Ключи оставили управляющему, проверенному годами Мухаммеду, который со слезами упрасивал остаться, пережить смуту. «Вернется царь, волнения улягутся, и мы снова будем пить кофе у старого Али и говорить об урожае»...

Но разве время повернешь вспять? Куда унесли волны корабль, где, в каких туманных далах растаял прощальный пароходный клещ всем тем, кто остался в ожидании неизвестного будущего?

Прошло много лет. Маленький приморский городок пережил две войны, голод и эпидемии, репрессии и оттепель. Пережил все это и старый дом. Символом времени он служил городу. Там ютилась детская поликлиника, на окнах аккуратные занавесочки, детский плач, у парадной двери мамы с колясками. Мирное безвременье.

И никто, почти никто не заметил,

как в городе появился человек, который приходил к дому, подолгу смотрел на него, о чем-то думал, перебирал какие-то бумаги в папке и затем удалялся. Заговорили о нем позже. В старую кофейню на Набережной, где вместо старого Али ловко орудовал его тридесятый потомок, молодой паренек Мустафа, в один из дней заглянул незнакомец. Заказав чашку кофе, он долго смотрел на море. Потом сказал куда-то в сторону «Вот там была жестяная лавка, а за ней чебуречная. Вот здесь рос огромный платан, в тени которого отдыхали рыбаки». Мустафа пожал плечами. «Мы здесь только несколько лет живем, приехали из Средней Азии, а дед умер давно. Упокой Аллах его душу. Он так мечтал сюда вернуться, но... А вы кто, кого-то ищете?»

Незнакомец не ответил. Посидев еще немного, он ушел. Через неделю город полнился слухами. Приехал сын хозяина, претендует на большой дом, да, тот самый, в центре. Выкупить хочет, а откуда такие деньги? Да нет, ему должны его вернуть, у него документы есть на этот дом. А куда денут поликлинику? Так для нее здание новое построили. Но ведь там сейчас общежитие для переселенцев? Их-то куда?

Город потерял покой. Все ждали.

И мало кто знал, что в лабиринтах городской управы тоже шли напряженные споры – отдавать дом или нет. Говорили, что сам городской голова имел на него виды, но на его пути встал законный владелец. И потянулось время, которое уходило на сбор необходимых бумаг. Их были исписаны горы. Сын хозяина дома был терпелив. Казалось, он готов достать нужную справку от самого Господа Бога. И это чувствовали. Подливали масла в огонь кликуши от власти – скоро, говорят, у всех будут дома отбираться... Новости с пылу, с жару разносили по городу. Самого хозяина уви-

деть удавалось редко. В старой кофейне молодой Мустафа не решался задать ему вопросы, при его появлении стихали споры, пожилые люди только покачивали головами. Находились и те, кто, якобы, помнил старого владельца, его семью. Но простой подсчет сводил эти свидетельства к нулю.

А дом ждал своей участи. Каждый выступ, каждый угол, скрипящие ступени ждали. Они помнили все. Детский смех, ворчание истопника, женские беседы. И торопливые шаги отъезжающих, и последний горький вздох на пороге, и последний горестный взгляд, скользкий по стенам... Ожидание становилось невыносимым.

Все кончилось в один день. На трассе, когда на встречную вылетел грузовик...

Ахнуло небо, взрываясь миллионами осколков, качнулось и полетело куда-то во мрак, в пустоту, увлекая за собой легкомысленное летнее солнце, беспечный мир с его обитателями... Проносящиеся мимо машины с глазючками пассажирами еще долго тревожили разлетевшиеся бумаги, которые уже никому ничего не могли рассказать и доказать.

С этого страшного дня прошло много лет. Я редко бываю в этом городе, но когда судьба заносит меня туда, где особенно молчаливы горы и ветер пахнет полыньей, я прихожу к старому дому на главной улице. Я знаю, он по-прежнему ждет хозяина. Скрипит сосна, заглядывая в окна верхнего этажа, словно высматривая знакомые тени. Скрюченный артритом миндаль робко зацветает по весне, оживляя заброшенный двор. Зимними ночами морской ветер будоражит память, рассказывая, как еще долго на горизонте маячил дым парохода, как долго отдавалось в горах эхо его последнего зова.

Зера ЭМИРСУИН